

ПАРАДОКСЫ ОНТОЛОГИИ ТЕЛЕСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОППОЗИЦИИ «ПРИРОДА – КУЛЬТУРА»

На протяжении всей истории культуры вопросы, связанные с пониманием онтологии человеческого тела, всегда вовлекались в сферу философской рефлексии. Интерес к телесности и ее проявлениям не только мыслителей, но и большинства людей обусловлен тем, что человеческое тело, бытие которого ограничено, является исходной точкой, задающей импульсы к рациональному осмыслению жизни и пониманию предназначения человека. Можно предположить, что именно осознание конечности существования, беспокойство о смертности тела наметили оппозицию между природой и культурой.

В настоящей работе осуществляется попытка отобразить специфичность человеческой природы посредством анализа онтологии телесности. В связи с этим следует отметить, что бытие субъекта не является простым и однородным. Тайна человеческой природы заключается в том, что индивид представляет собой продукт причудливого переплетения бытия и небытия. Вся его жизнь протекает между двумя этими полюсами. В данном ракурсе обращается к текстам таких авторов, как Ф. Ницше, А. Арто, М. Фуко позволяет рассмотреть феномен человека не просто как искусственной модели, ценностные установки и программа поведения которой всецело задаются культурными механизмами. В этих исследованиях показано, что не менее важным для раскрытия подлинной природы субъекта является обращение к такому опыту, когда нормативные ограничения не имеют силы, и человек, не оглядываясь на культурный запрет, репрезентирует себя во всей полноте посредством телесности и ее проявлений в опыте трансгрессии.

Культура, выступая источником расхождений между человеческими требованиями и действительностью, раскалывает реальность. Игра противоречий и парадоксов, пронизывающих понимание телесности, разгорается с большим азартом и накалом страстей в силу нарастания мощности противоборства между двумя пластами – природой и культурой. Тело превращается в место конфликта сражающихся начал, способ разрешения которого приводит к формированию определенного типа телесности. В результате различного рода воздействий (идеология, мораль) телесность представляет собой место, где регистрируется запись норм и законов, которые диктуются посредством функционирования социальных практик. В данном аспекте, разграничивая культуру, «которая с жизнью никогда не совпадала и создана, чтобы ею управлять» [1, с. 97], и природную энергию тела в его жизненном порыве, оформленном рамками нормы и

патологии, следует осуществить попытку выявить причину необходимости возникновения культуры, характеризующейся оппозицией «человек созерцающий – природа».

В силу духовной слабости и страха перед стихиями природы человек не способен выносить подлинную действительность во всей полноте, где он растворяется и не имеет никакой значимости. У него вырабатывается склонность к упрощению, схематизации, упорядочиванию реальности посредством построения умозрительных моделей мира, где господствует порядок и целесообразность. Человек, находясь во власти механизмов культуры, которые он сам же и создал, производит различные интерпретации мира и верит в их истинность. Трансцендентальный субъект, опираясь на регулятивные идеи разума, подстерегаемый соблазном «числа и логики», соблазном «законов», постепенно элиминирует из сознания все элементы чувственности.

Человек, зачарованный магией числа и логики, производящих «живописный эффект истины» [3, с. 237], погружается в область рационального. Он стремится свести неосознанные, смутно угадываемые, с расплывчатыми контурами, чувства и желания к словесным интерпретациям. Сама же действительность, заключая в себе мировую тайну, которая все рождает и все предает забвению, одновременно зачаровывает и запугивает индивида. Она не имеет ничего общего с интерпретационными моделями и схемами человеческого сознания, абсолютно индифферентна и лишена всяческих ценностей и смыслов: «Не существует ни «духа», ни «разума», ни «мышления», ни «сознания», ни «души», ни «воли», ни «истины»: все это фикции, ни к чему не пригодные», – отмечает Ницше [3, с. 243].

«Постоянная брэнность и неуловимость субъекта» [3, с. 247] не могут быть зафиксированы и переведены на язык слов. Ницше подвергает резкой критике рефлексивную способность сознания субъекта «без тела и плоти», превыше всего ставящего ценность холодного логического мышления. Мыслитель противопоставляет познавательному аппарату, который «есть абстрагирующий и упрощающий аппарат, направленный не на познание, но на овладение вещами» [3, с. 251], чувственное восприятие действительности посредством телесности, являющейся «нашей ближайшей собственностью, нашим достовернейшим бытием» [3, с. 331]. При этом тело выступает не просто как фактор культурной самоидентификации, но как насквозь проникнутое чувствами и инстинктами связующее звено, соединяющее внутреннее и внешнее, человека и мир. В данном контексте телесные состояния намного важнее, чем упорядочивающая сила сознания, фиксирующая и схватывающая в своем содержании лишь немногочисленную крупницу хаотичных, разрозненных общих чувствований.

Реминисценция философской концепции Ницше позволяет вернуться к рассмотрению феномена тела, «через которое как бы бесшумно протекает огромный поток, далеко разливаясь за его пределы» [3, с. 331]. Рассмотрение статуса телесности в рамках оппозиции «природа – культура» становится возможным с условием предварительного обозначения узловых моментов, раскрывающих специфику феномена человека. Рождаясь из первозданной целостности универсума, являясь существом биологическим, человек в силу несовершенства своего организма, не способного адаптироваться к природной среде, как это происходит у животных, вынужден дополнять естественные условия существования созданием искусственной реальности, воплощением которой выступает культура. Индивид, таким образом, выступает за свои собственные природные состояния. Как искусственное существо, он рождается не природой, а самоконституируется через посредство функционирования культурных механизмов. Хруп-

кость человеческого бытия защищается властью культуры. Однако в данном ракурсе речь идет о том, что культура, в определенной степени компенсируя биологическую недостаточность человеческого организма, не решает проблемы полностью.

Она не умаляет ощущение человеком трагизма собственного бытия, заключающегося в осознании неизбежности гибели и распада тела. Ситуация усугубляется в силу того, что культура, предлагая субъекту комфортное существование, требует взамен полное подчинение себе. Для продуктивного функционирования культура поглощает всего человека, который вынужден следовать ее ограничениям и запретам.

Радость обладания культурой обеспечивается путем отказа от естественных желаний. С момента своего рождения человек попадает в ловушку культуры. При этом субъект воздерживается от устремлений, диктуемых природой, потому что боится потерять удовольствия, предоставляемые культурой. Коварство последней заключается в том, что, удовлетворяя одни требования, она намечает новые установки. Нарастающие проблемы искусственной реальности, поглощая и захлестывая человека, безудержно дистанцируют его от природного начала.

Амбивалентность человеческого бытия состоит в том, что тело конкретного индивида находится на перепутье противостоящих друг другу сил, воплотившихся в природной стихии и культурной упорядоченности, и принадлежит одновременно им вместе. В теле человека переплетаются различные тенденции и мотивы, диктуемые нормой, со спектром настроений и оттенков чувств. Перед человеком предстает действительность изменчивая, двойственная, неуловимая в своих внешних обманчивых проявлениях. При этом упорядоченность, создаваемая культурой, временная. Природное начало не покоряется власти культурных механизмов полностью. Подавленные инстинкты взрываются, а их разрушительная сила тем мощнее, чем жестче рамки культуры.

Предельное обострение конфликта нарастает вместе с началом культивирования западноевропейской культурой рационализма. Импульсы развития последнего задал Сократ с непоколебимой верой в то, что «мышление, держась за ниточку причинности, может добраться до самых глубоких пропастей бытия и что мышление способно не только познавать, но и поправлять бытие» [4, с. 149].

С развитием умозрительной и абстрагирующей культуры инстинкты и страсти, основные элементы жизни, подавила логика и стремление к истине. Тело человека, погруженное в культуру, «подчиняющую себе наши самые тонкие движения» [1, с. 98], настолько подвержено воздействию ее механизмов, что влиянию поддаются даже, казалось бы на первый взгляд, природно заданные характеристики человеческого организма. Вследствие этого достаточно сложно определить, что в человеческих движениях является приобретенным искусственно, а что заданно природой. Исследования М. Мосса, сформулированные в концепции о техниках тела [2], свидетельствуют о том, что культурной средой закрепляются определенные способы походки, позы, жестикуляции. Однако в данном ракурсе рассмотрение пластических проявлений телесности осуществляется с точки зрения бессознательно усваиваемых моделей поведения, выполняемых в силу глубоко укорененной привычки. Жест как универсальный способ репрезентации телесности приобретает значимость в опыте трансгрессии, в той ситуации, когда код для дешифровки являемого смысла не известен заранее. В данном контексте феномен жеста понимается как текст, который может быть понят не столько рационально, сколько интуитивно. В опыте трансгрессии, извлекающем

субъекта из нормативных практик, снимается рефлексивная способность сознания. В силу этого жест, благодаря своей сопряженности с телесностью, выражает самость человека. В отличие от культурного жеста, который повторяется и узнается реципиентом, жест в опыте трансгрессии всякий раз рождается заново, произвольно, не повторяется и не равен самому себе.

Для более глубокого осмысления специфичности трансгрессивного жеста следует обозначить ключевые моменты, раскрывающие суть самого опыта трансгрессии, в котором задаются импульсы для выражения подлинного лица субъекта, когда тело всем своим существом чувствует предел собственной экзистенции. Это выявляется при смещении способа бытийственности телесности с позиций прочной онтологической укорененности в область регулятивных практик на уровень непредсказуемости и парадокса. Переживание телесного опыта, когда власть разума, захлестываемая сильными эмоциями, не способна удерживать рассеивание субъективности в достижении полнейшего самозабвения, возвращает человека к природе. Восстанавливая единство и в известном смысле «излечивая» от культуры, «природа вновь торжествует примирение свое с блудным сыном ее человеком» [4, с. 69]. Такой трансгрессивный переход за границы, установленные культурными механизмами, представляет собой возможность соприкоснуться с подлинным бытием. В результате этого происходит самообновление человека: субъект, освобождаясь от культурной доминанты, может по-иному взглянуть на мир, на самого себя. Индивид переносит своего рода испытание, прочувствованное и вынесенное телесностью во всех проявлениях. В акте трансгрессии, когда «рушатся ограничения, неподвижные, враждебные, поставленные «наглой модой»» [4, с. 70], человека охватывает одновременно ужас и благоговение, «блаженство восхищения, поднимающееся из сокровеннейшей основы человека и даже всей природы» [4, с. 68]. Интенция трансгрессивности к совокупному высвобождению всех сил, оковы на которые наложил Разум, осуществляется в стремлении уничтожить норму во имя мистического ощущения собственным телом сопряженности с природой. В опыте трансгрессии, ощущая крайний накал страстей, телесность самоорганизуется под воздействием имманентных креативных импульсов. В таком состоянии человек максимально приближается к своему природному первоистоку. Пример такого гармоничного единения природы и человека наблюдается в древнегреческой культуре.

Как показали исследования Ницше, опыт трансгрессии, открывающий крайние пределы жизни, наиболее глубоко и полно прочувствовали греки. Они создали культуру, где темный, неистовый, нечленораздельный дионисийский дух смягчался и усмирался аполлонической ясностью, мерой и разумом [4]. Древний грек знал и чувствовал ужасы и чудовищности титанических сил природы. Он находил свое утешение и спасение в искусстве [4, с. 101], когда «человек выражает себя пением и плясками» [4, с. 70]. Идея танца как одержимости уходит своими корнями к дионисийскому началу в философии Ф. Ницше: «Сущность природы выражается в полноте танцевального жеста, приводящего в ритмическое движение все члены тела» [4, с. 74].

Вместе с этим, помимо танца, лишённого всякой фигуративности и выражающегося в конвульсиях, безудержной пляске, в искусстве существует и аполлоническая тенденция, основанная на подражании богам: «Аполлон как раз стремится дать отдельным существам покой, проводя между ними границы и своими требованиями самопознания и меры постоянно напоминая о таковых как о самых священных законах мира» [4, с. 117]. Таким образом, в греческом универсуме, обозначенном Ницше, оба тела, дионисийское, лишённое формы, идентичности, памяти, хаотическое тело и аполлоническое – обладает формой,

идентичностью – возникают одно из другого, сменяя идентичность на полную дезориентацию личности.

Ф. Ницше рассматривает возможность гармоничного сосуществования двух равноправных стихий. В отличие от него М. Фуко исследует причины, которые привели к доминированию рациональности в европейской культуре. Его интересует, посредством каких механизмов происходит оформление природного человека в определенную модель.

Трансгрессивные состояния телесности, когда она пребывает за границами дисциплинарных пространств и проявляется в чистом виде, как показали исследования М.Фуко, чужды для рационального сознания. Разум относит данные аспекты бытия телесности в сферу патологического и неразумного. Таким образом, полагает мыслитель, XIX век создал понятие «душевной болезни», десакрализовав безумие, лишив его сопряженности с темными глубинами человеческой природы и превратив в одну из форм соотносительности с разумом. До XIX века феномен безумия понимается как торжество небытия, где человек получает опыт преступления запретных нормативных границ. Устрашая и одновременно поражая сознание европейца, безумие в ликах чудовищных химер являет ему не просто угрозу, а представляет эзотерическое знание о мире. Скрытое в великом мировом неразумии, которое «втайне влечет к себе всех и всех увлекает за собой» [5, с. 35], безумие в классическую эпоху сходит с арены западноевропейской культуры. Оно, лишаясь привычного места, настигается и полностью поглощается разумом. В эпоху Средневековья «загадочный пьяный корабль дураков» бороздит водные просторы, знаменующие собой сакральное пространство чуда. Здесь безумцы, переживая древний ритуал исключения из сообщества, отданы во власть переменчивых сил судьбы. Пребывая в пограничном положении, наделяясь переходным статусом, они ищут «встречу со своей судьбой либо с правдой о самом себе» [5, с. 30]. В классический век «корабль дураков» заменяется психиатрической лечебницей.

Трансгрессивные практики, извлекая телесность из нормативного опыта, вплетают ее в живую природную ткань. Тело, подверженное мобильным пластическим модификациям, погружается в непредсказуемый способ бытия. Он таит парадоксальные ситуации и выступает как сфера невозможного в области определенной культуры.

Рассмотрение пребывания телесности в опыте трансгрессии на теоретическом уровне создает условия для понимания сущности феномена человека. Трансгрессивное тело раскрывает подлинную природу индивида. Однако это не означает, что таинственная истина, сокрытая в субъекте, является чем-то конкретным, содержится в нем в застывшей, раз и навсегда данной форме, и может быть постигнута с помощью определенных научных методов. В опыте трансгрессии обнаруживается избегающая статичности природа индивида. Самость человека характеризуется не единообразием, а как раз своей изменчивостью. Преступая регулятивные практики, телесность погружается в неповторяющиеся состояния. В любой момент трансгрессивная телесность не равна самой себе. Модифицирующаяся и изменяющаяся, она репрезентирует сакральные смыслы человеческой природы. Однако смыслы эти непрестанно обновляются.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арто А.** Театр и его двойник. – СПб., 2000.
2. **Мосс М.** Техники тела // Мосс М. Общество, обмен, личность. – М., 1996.
3. **Ницше Ф.** Воля к власти. Посмертные афоризмы. – Минск, 1999.
4. **Ницше Ф.** Рождение трагедии. – М., 2001.
5. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху. – СПб., 1997.

6. **Фуко М.** О трансгрессии // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб., 1994.

SUMMARY

The purpose of this research is to reveal the essence of human being by means of corporeality's ontology analysis. Individual's body is a point of impact between natural beginning and cultural limitation, the latter constituting the definite model of subjectivity. The authentic human nature being in a constant development, it is not reducible to the definite scientific truth.